

«Знак» свыше

Наш приход не забрал мир с местным предпринимателем. Бизнесмен держал в помещении обкорнанного, без куполов и колокольни, храма «Сыгтную лавку» и годами извлекал немалый барыш, гоня на продажу водку, мясо, сигареты. В отделение «Росреставрации», на чьём балансе числился храм, от лихого арендатора капала денежка, и все заинтересованные лица были довольны.

Хотя приходская община официально создана и зарегистрирована, в сам храм ходу нам нет: ещё на целый год сохраняется у предпринимателя срок аренды. И в очередной церковный праздник бежал к нему «на приём» наш староста и просил униженно позволить отслужить молебен возле стены храма снаружи.

Но вот бизнесмен угодил однажды в «автопеределку», выпутался из неё еле живым и, выздоровев, принёс и вручил настоятелю ключи от храма:

– Магазин съехал! Забирайте помещение досрочно!..

И всё-таки подводит человека «ретивое»! Про «знак свыше», по собственному выражению, бизнесмен вскоре забыл, ревниво поглядывая, как в храме постепенно налаживается церковная жизнь. Вроде б как ждал прежний хозяин, что «наиграются» в свои игрушки пришлые люди и уйдут восво-яси, всё останется по-прежнему.

Да не тут-то было! И прихожан прибавляться стало...

Территорию вокруг храма обступал высоченный забор из металлического профиля, ворота, как на «зоне», раздвигались с помощью электромотора. «Квадратные метры» земли предприниматель успел в своё время по дешёвке хитроумно выкупить у города, понастроить на них кирпичные гаражи. Строения он сдал в аренду, и теперь копошились в них автомеханики, чиня автомобили.

– Вы по моей территории ходите в храм! – заявил он нам на полном серьёзе и вид такой сделал, что впору – платите наличкою «проходные» или по воздуху летайте.

А раз не хотите платить – взял и подломил ломиком электропривод у ворот; теперь это тяжёлое полотнище надо было отодвигать вручную. Автомеханики, наши соседи, ребята здоровые: им ворота задвинуть или отодвинуть – раз плюнуть. Да вот беда – на работу они приходят поздно, а нам службу начинать спозаранок.

И налегает героически отец настоятель плечом на торец железного полотнища. Скрежешет препятствие, не поддаётся, силёнки требует...

Тут на помощь поспешает дед Геннадий. Это ему, наверное, кажется, что он быстро движется, на самом деле еле бредёт. «Божьему одуванчику» годов более чем порядочно. В храме он с женою, тоже «одуванчиком», одни из первых прихожан. И на службу, как правило, приходят первыми. Он был когда-то давно секретарём райкома компартии, она – инспектором детской комнаты милиции. Потеряли единственную дочь, внука, остались в глубокой старости одни. Ожили, когда рядом с домом храм открылся. Ходят старички в его гулкой пустоте, целуют иконы, шепчут слова молитв, затепливают в помин душ близких и родных на панихидном столике свечи. И полегче им: может, не так остро одиночество и оставленность в этом мире ощущаются. Приводит Господь людей к вере неисповедимыми путями...

– А ну помогай, жена! – призывает глуховатый дед супругу и упирается руками в торец полотнища ворот рядом с настоятелем. – Нет такой преграды в борьбе с капитализмом, чтобы не преодолела партия!

Присоединяется ещё бабушка, и ворота нехотя, со скрежетом, отворяются...

И так почти каждое утро. Пока предприниматель, видимо, ждёт очередного «знака».

Лётчик

Жорж, низкорослый старичок с плешивой головой и огромной бородищей, пономарь новый, в алтаре от всего испуганно шарахается и крестится невпопад. Состоял он прежде недолго сторожем и одновременно дворником при храме: ночью блаженствовал на топчане в сторожке, днём помахивал метлой по дорожкам внутри ограды. Числился Жорж лицом без определённого вида жительства, но, обосновавшись на приходе, стал выглядеть вполне прилично, прибарахлясь «шмотками», оставленными на паперти прихожанами. Как же иначе: «форс» держать надо – в авиации, бабкам хвастал, в молодости служил.

Жизнью такой он был доволен. Жаль, что скоро закончилась она. Жоржа взяли на послушание в алтарь вместо заболевшего пономаря. На этой «должности» блаженствовать некогда: то батюшке просфоры подай, то принеси со свечного «ящика» записки от прихожан да ещё и следи, чтобы угли в кадиле не потухли. То одно, то другое...

Вроде всё мелочи, но кругом идёт голова у Жоржа, никуда он, бедолага, не успевает, всё из рук у него валится. Морщится только он виновато на упреки батюшки да, отвернувшись, втихаря ворчит – сетует на такую судьбу.

А тут ещё и архиерейская служба подоспела. Народу в алтаре – не протолкнуться: мальчишки из архиерейской обслуги, диаконы, священники... Зажатый в угол, Жорж трясётся, ровно овечий хвостик, взирает на происходящее испуганно вытаращенными глазами и радуется, что никто у него ничего не спрашивает и не требует.

Но и про Жоржа вдруг вспомнили...

На Литургии перед началом Великого входа архиерей, стоя у жертвенника, вынимает из просфоры частицы за здоровье всех сослужащих ему в алтаре. По старшинству, от благочинного до алтарника, все по очереди подходят к Владыке и, поцеловав его в плечо, называют для поминовения своё имя. Прошли все, лишь один Жорж жмётся в своём уголке. Порядок есть порядок: ребята-иподиаконь подхватили Жоржа под локотки и – к Владыке.

Перепуганный Жорж отбивается, будто на казнь его волокут:

– Куда вы меня, охломоны, тащите?! – вопит истошно и что есть сил упирается.

– Это что у вас за больной? – сердито вопрошает архиерей.

– Да он нормальный. Авиатором был, лётчиком! – пытается сгладить неловкость настоятель.

– С парашютом неудачно прыгнул?

– С печки упал! – честно и покаянно признался Жорж.

Всё равно согрешила!

Благочестивая старушка-одуванчик жалуется товаркам по лавочке возле храма:

– Вот же какой строгий и въедливый батюшка! Все свои грехи и грешочки на исповеди вроде бы ему выложила. А он вдруг спрашивает: «Воровала?» Да я сроду в жизни нитки чужой не брала!

Старушка какое-то время отпыхивается от возмущения и продолжает:

– Он говорит: «Валяется вот “сторублёвка” на дороге – что делать будешь?» Я молчу, думаю и так, и этак. Пенсия у меня грошовая, одни слёзы, а надо бы и дочке помочь, и внучке гостинчик купить. Может, эта денежка-то и не нужна никому, раз никто не ищет, валяется себе...

– Вот тут ты и согрешила! – восклицает батюшка.

– Так не подняла же деньги!

– Помыслила!

Приятная мелочь

Отец Леонид – протоиерей солидного вида. В том его упрекающим мягко и беззлобно возражает: мол, «хорошего человека» должно быть много.

Архиерей, с поджарой по-спортивному фигурой, в чёрной монашеской скуфейке на голове, за рулём служебной «Волги» всегда сам. Протоиерей важно развалится рядышком на пассажирском сидении, только стёклышки очков деловито поблёскивают.

«Волга» с «генеральскими» номерами – презент архиерею от губернатора. Притормаживают на перекрёстке; «гаишник», подтянутый молодой лейтенант, почтительно наклоняясь, козыряет отцу Леониду.

Тот, поначалу изумлённый, расплывается потом в довольной улыбке: за генерала небось посчитали. Вроде бы мелочь, недоразумение, а приятно!

Только вот архиерей из-за руля что-то хмуро покосился...

Заступница усердная

В восстанавливаемом храме любой помощи рады. И жертвуют люди, кто что может по желанию и по достатку. Одна бабулька образ иконы Казанской Божией Матери принесла. Вырезана икона из настенного календаря, но заботливо скрыта под стекло и заключена в красивую рамочку.

– Заступница усердная... Возьмите! – передала свой скромный дар старушка батюшке. – Поможет когда, защитит!

Через два дня замок на дверях нашего храма взломали, ловко перекусили пассатижами у замка тоненькую дужку. Из помещения только-только выехал продуктовый магазин; хозяин его замки и те забрал с собой. Староста наш – из творческой интеллигенции. Купил он замочек в пору где-нибудь на даче на уборную вешать, и с этим запорчиком легко справился злоумышленник. В полутьме храма он сорвал со стены икону и бывал таков...

Нет худа без добра. Бизнесмен ещё не полностью освободил прихрамовую территорию: остался как раз напротив входа в храм гараж и при нём – видеокамера. Для полиции повязать грабителя было делом техники.

Икону нам вскоре вернули.

– Хоть бы старинная какая... А то простой календарь! – посетовали стражи порядка. – Никакой ценности.

– Понимали бы, что говорите! – проворчал настоятель. – Что с воров-то сделали?

– Он гастарбайтер. На историческую родину отправили как бы в наказание.

– Ловок мужик!

Старушка-дарительница приложилась к иконе, смахнула слезу:

– Пресвятая Богородица, спаси нас, грешных!.. Ты и храм от большего поругания оберегла, и пропавшему человеку-нехристу домой помогла возвратиться!

Персона

Храм мы восстанавливаем в своеобразном городском квартале, прозванном в народе «дворянским гнездом». И правда, в соседних особнячках и коттеджах, прорчих элитных домах тихо проживает отставная советская партноменклатура.

Даже магазин, который был прежде в обкорнанном до неузнаваемости храме, назывался «Комсомолка».

Настороженно и с удивлением следили за нами неотступно чьи-то глаза из-под занавесок на окнах.

Но первая «ласточка» из тех домов появилась. Дед, тяжело опирающийся на трость, но сохранивший прежнюю «начальственную» выправку.

Постоит он, не крестясь, до конца службы у самой соли и потом, вроде б как чем-то недовольный, убредёт.

Причина скоро выяснилась – сам он озвучил. Туг на ухо оказался.

– Почему вы мои записки о здравии и упокоении вслух никогда не читаете?

– Да как же? – возражает батюшка. – Все обязательно прочитываем на Литургии.

Но дед продолжает пенять настоятелю:

– Не под силу, что ли, вам вот так громко во всеуслышание объявить: сейчас мы будем читать записки товарища Полякова! Персонально!

Поборник морали

У проруби в крещенскую ночь следят за порядком казаки. По берегам реки толпы людей: и тех, кто окунуться в ледяную купель жаждет, и просто зевак и сочувствующих. Слепит глаза прожектор, застуженными голосами поют певчие на молебне; кружатся, падают неторопливо снежинки.

Водосвятие закончено: храбрецы устремляются к вместительным солдатским палаткам с нагретым печками воздухом и потом уже в «купальных костюмах» сигают в прорубь. Казаки на краях её топчутся, помогают купальщикам выбраться из воды.

Шумно, гамно, оживлённо.

– Эх, была не была! – решается молодой батюшка. – И я окунусь!

Тоже скрывается в палатке и выбегаёт из неё ясно что не в подряснике. С ходу, отчаянно творя молитву, плюхается в прорубь и выныривает обратно с жутким оханьем, выдыхая воздух и тараша глаза.

Тут же над батюшкой склоняется казак и строго грозит пальцем:

– Не матюгаться, молодой человек!

В душе поэт

Наш алтарник Валера, подвижный мужичок за «сороковник», обросший чёрной кучерявой бородой, обладает прекрасным баритоном. Запоёт, бывало, народные песни, перебирая струны на гитаре – заслушаешься! Понятно: такой в любой компании свой!

После службы спешно собираюсь на творческий вечер своего одноклассника по Литинституту, известного в городе поэта.

– Куда так торопимся, отче? – недоумевает Валера.

– Да вот поэта (такого-то) поздравлять с юбилеем и выходом новой книжки.

– Возьмите меня с собой! Я хоть стихов его и не читал, но всё равно его люблю и уважаю. В одной школе мы с ним, если не ошибаюсь, учились. А фуршет там будет?..

В небольшом читальном зале городской библиотеки, где собралось десятка два человек, Валера быстро освоился: снял жмущие ему ноги новые ботинки, под монотонное чтение стихов задремал и встряхнулся только, когда присутствующие стали юбиляра шумно поздравлять.

Валера повертел головой, и вдруг взгляд его ухватил гитару с шикарным ярким бантом, повязанном на грифе. Валера забыл и про снятые ботинки – в носках стремглав подпрыгнул со стула и выхватил музыкальный инструмент из чьих-то рук. На глазах у всех он троекратно облобызался со слегка ошеломлённым поэтом, благообразным чопорным старичком, восклицая восхищенно:

– Люблю! Уважаю! Горжусь! И как представитель Церкви исполню в подарок юбиляру наверняка любимую им песню...

Все в зале настороженно попритихли, разглядывая бородатого мужичка в носках, навострили слух.

– Песню «Виновата ли я?..» – громко объявил Валера и, взяв аккорды на гитаре, зарокотал своим баритоном.

Все стихотворцы – и авангардисты, и традиционалисты – замерли в изумлении с раскрытыми ртами.

– Откуда взялся этот поп с гитарой? – растерянно спросил кто-то.

– Да не поп он, а тоже, наверно, поэт. Народный только.

Долг платежом красен

В наш храм посреди совпартноменклатурного «дворянского гнезда» иногда прибредает дед. Путь сюда, пусть и из соседнего дома, даётся ему нелегко. Заметно, что старик «отходит» от недавнего инсульта: сядет на лавочку в углу и, уперев руки в поручень своей клюшки, остаётся неподвижным до конца службы. Сразу видно – он не из «простых»: одет в весьма приличный костюм, при галстук.

Дождётся отпуска Литургии, одним из первых подойдёт приложиться ко кресту и, повернувшись к прихожанам, возмет руку с прилипшей к ладони «пятитысячной».

– Слушайте все! Я выполняю свой долг и торжественно вношу... – дед громко сообщает всем, которую по счёту купюру сегодня жертвует, и неловко пытается дрожащими пальцами просунуть её в щель ящика для пожертвований.

Наконец это ему удаётся, и он, тяжело опираясь на трость, но стараясь гордо запрокидывать седую голову, движется среди расступившихся прихожан к выходу...

В богоборческие тридцатые годы прошлого века наш странноватый прихожанин вряд ли храмы разрушал – может, бегал пацаном в тубетейке, сшитой из обрывка поповской ризы. А вот в семидесятые годы, когда в центре города добивали танками громадину всеградского собора, вполне мог быть среди тех, кто совершал это чёрное дело. Не среди «отцов» города замшелых «партайгеноссе», подписавших приговор храму, а среди тех солдатиков-танкистов. Ничем не могли разрушить вековечные стены собора, и тогда пригнали на подмогу из воинской части танки. Парнишки-комсомольцы, накануне проинструктированные замполитом «до слёз», сидя за рычагами мощных машин азартно и рьяно расправлялись с останками «проклятого и тёмного прошлого»...

Говорят в народе, что судьба тех разрушителей – и кто командовал, и кто выполнял – была печальна и трагична.

А вот, наверное, один из тех юнцов в танкистских шлемах тогда «засветился», обласканный начальством, попёр в гору по партийной линии, сменяя чин за чином и... оказался в конце жизни вдвоём с больной женой-инвалидом в просторной, но неуютной квартире, выходящей окнами на восстанавливаемый храм. И на исходе лет, видно, встрепенулась, заболела и затосковала душа у старика. Сберег её Господь.

Враг уныния

Бывает такое на службе: не ладится – и всё тут. И певчие на клиросе фальшивят: то комариками запищат, то забасит кто из них невпопад и не к месту. Пономарь сонной мухой шевелится – из кадила угли рассыпал.

У служащего священника голос пропал: скрипит, точно рассохшаяся доска в деревянном полу.

Как трудно сосредоточиться в молитве!

А ещё к середине службы прихромал старый протоиерей отец Василий. Давным-давно он за «штатом», негнущиеся ноги еле переставляет – без клюшки никуда, вдобавок почти слеп. Но слух сохранил изумительный: вроде бы не видит человека, но точно по голосу определит, кто есть кто.

Вот, наверное, мысленно подсмеивается над нашими неумёхами старик!

После службы подхожу к нему, бормочу, оправдываясь, извинения, на что протоиерей, неторопливо перекрестившись шепоткой, бодро возглашает:

– Что ты, брат, пригорюнился? Отслужили вы ведь не хуже, чем в кафедральном соборе!

Благословение

Иеромонах Амфилохий на все руки мастер в одном лице: и настоятель монастыря, и клирошанин, и трудник. В общем, «сам читаю, сам пою, сам кадило подаю».

Монастырь возрождается в благодатном месте: вблизи нетронутый сосновый бор, где под сенью вековых деревьев ласково журчат, наполняя водой крохотные озерки, целебные источники. Изумительная тишина, чистый до звона воздух.

В храме, недавно освобождённом от складских завалов, сохранились кое-где росписи, под ними – рака с мощами местночтимого святого, основателя обители.

Сначала потянулись сюда паломники, чтобы помолиться в монастырской тиши, приложиться к святым мощам, окунуться в источнике. Потом и турфирмы «разнюхали» – покатали в эти веси автобусы с разношёрстными туристами. Кто побыть в монастырской благодати, а кто просто из праздного любопытства.

В одной такой глазающей по сторонам группе крашенная дамочка с всезнающим видом заявляет: – Надо не забыть благословение у настоятеля взять! У кого бы узнать, где он?

Озирается и видит: у скотного двора какой-то трудяга в длиннополой одежде перекидывает вилами навоз.

Морщит напудренный носик дамочка, но никого больше, кроме туристов-попутчиков, тут нет – придётся подходить и спрашивать.

– Не знаете, где найти здешнего настоятеля? Я хочу у него благословение попросить.

– А сподобитесь?

Монах улыбается, втыкает в землю вилы и стряхивает с рук унавоженные рукавицы.

– Я настоятель!

Дамочка немного опешила – но что делать под взглядами начавших усмехаться туристов! Подошла под благословение и поцеловала натруженную руку.

Пустяк

Русский пенсионер и кавказец в храме.

Старик, зайдя в храм и молитвенно сложив перед собой ладони, просит, взирая на икону:

– Мне б к пенсии моей прибавки тыщонку-другую!

В это время порог храма переступает уроженец знойного юга.

Старичок, видать, глуховат: кажется ему, что говорит-то шёпотом, а на самом деле звук слов его отчётливо раздаётся в храме. Южанин хмыкает, услышав просьбу, вытаскивает из кармана кошелек и суёт старичку пару тысячерублёвок.

– И всего-то?! – бурчит. – Стоило беспокоить Бога по пустякам.

Время – деньги

Женский, со строгими нотками, голос из телефонной трубки пригласил батюшку освятить квартиру и детский развивающий центр.

Иду по адресу. Обычная «трёшка» в пятиэтажке, увалень-хозяин и энергичная худощавая хозяйка, оба лет тридцати. Двое парнишек: один школьник, другого в детсад ещё водят.

– Вам оплата как? По часовому? – с порога деловито осведомляется хозяйка.

– Да, конечно! – отшучиваюсь.

Но, оказывается, напрасно это делаю. Потом и сам не рад. Время-то – деньги, как не крути!

Младший пацан – егоза, не сидится ему на месте: то кропило со столика ухватит, то за край эпитрахили дёрнет.

Когда освящение жилища было завершено, на кухне он успел опрокинуть чайник с горячей водой. Слава Богу, не на себя, а только несколько капель обожгли парнишке руку. Малыш вопит, папаша бестолково возле него хлопочет.

– Сырой картошки ножом настрогайте и к ожогу приложите! – советую отцу.

Вроде помогает.

Мамаша следит за всей суетой бесстрастно, но беспокойно взглядывает на часы:
– Вам ещё развивающий центр освящать! – резко напоминает мне. – Время пошло!..

Испытатели

Одна бабушка после службы подходит ко мне с предложением:

– Батюшко, капусточки квашеной хочу тебе принести. Мне самой она что-то не очень нравится.

– Может, лучше не надо? – отвечаю.

– Да что ты, батюшко, Господь с тобою! Вон, регент ваш накануне её попробовал и до сих пор жив!

Цена любви

Прихожанка, учительница из соседней школы, стоит на службе в храме сама не своя. Потом рассказывает, расстроенная:

– Я – классный руководитель у пятиклашек. У них – пора первых «чувств» друг к дружке, только вот выразить их не знают как.

Мальчишка дёрнул приглянувшуюся девчонку за косу, а та в ответ – его за рубаху. Рубашка – сверху до низу тресь по шву! Выразили чувства!

Вечером родительское собрание. И сразу проявилось социальное расслоение. Мальчик – сын банкира, а у девчонки мать – простая рабочая на молокозаводе. Банкир, сытый, холёный, уверенный в себе мужчинка, приносит злосчастную рубашонку и расправляет её, располосованную, на показ, на общее обозрение. «Вот, дескать, какие нравы царят в современной школе!»

Классная руководительница рада бы превратить всё в шутку, но не тут-то было!

– Я хочу, чтобы виновные возместили мне убытки, а именно: испорченную рубашку заменили на точно такую же! – капризно надувает губы банкир.

– Давайте я вам деньгами заплачу! – поднимается с места худенькая, скромно одетая женщина.

– Я в деньгах не нуждаюсь! – сурово отрезает банкир. Возместите мне в точности утраченное!

– Да простил бы... Этакая для вас потеря! – пробурчал кто-то из родителей с задней парты.

– Не ваше дело! – резко обернулся в ту сторону банкир. – Для меня важна справедливость.

Купила женщина, мать-одиночка, на другой день банкирскому сыну такую же точно рубаху. Только носить её парнишка не стал, наверное, из «солидарности» с той девчонкой – «казнобой», которой дома от матери, без сомнения, основательно влетело.

Наши служители собирались у того банкира попросить денег на ремонт храма, да передумали. Хотя... может быть, и дал бы.

